

ТРИ ПАРЫ

Лорен Маккензи

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

The Couples
LAUREN MACKENZIE

Copyright © John Murray Publishers Ltd

Перевод с английского *Ксении Новиковой*

Литературный редактор *Иванова Людмила*

Маккензи, Лорен.

М15 Три пары / Лорен Маккензи. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-205225-5

Три супружеские пары собираются в загородном доме, чтобы отметить сорок восьмой день рождения одного из них. Для всех это повод ненадолго отвлечься от детей, бесконечных счетов и пожилых родителей.

После вечера в баре именинник предлагает игру — на одну ночь поменяться партнерами. Кажется, никто не воспринял эту идею всерьез, но в какой-то момент из библиотеки пропадают несколько человек. На следующее утро никто не говорит о том, что произошло. Но жена именинника теперь с ним не разговаривает, его подруга странно посматривает на него, и кажется, что все знают немного больше, чем он сам. Что же произошло той ночью? И чем теперь обернется для каждого вечер, который кто-то не помнит, а кто-то не может забыть?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Новикова К., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205225-5

Брендану, Алексу и Сэму с любовью

Любовь не начинается и не заканчивается так, как мы полагаем. Любовь — это битва, любовь — это война.

Любовь — это взросление.

*Джеймс Болдуин. Мое имя никому не известно:
Записки сына Америки*

1

МЫ КАК ДЕТИ

Ева свернулась калачиком на подоконнике раздвижного чердачного окна, задернула шторы и плотно прижала колени к груди. Снаружи висел густой утренний туман. Она была как астронавт в космической капсуле, парящий в невесомости. Она дрожала.

Ее замутило. Ева опустила верхнюю створку окна и высунулась в мягкий, влажный воздух. Вчера ей было видно на многие мили во всех направлениях: леса и горы, нетронутые поля и ветряную электростанцию. Сегодня утром ориентиров, по которым можно было понять свое местоположение, не осталось. Залаяла собака. На лужайке под ее окном лежал босой мужчина в черном костюме, свернувшийся в позе эмбриона.

Фрэнк.

Она задумалась, не следует ли спуститься вниз и проверить его: вдруг он мертв? Но тут он перевернулся на спину и широко раскинул руки, словно на распятии. Это ее рассмешило. Даже в свои худшие моменты Фрэнк ее забавлял. А вчера вечером он был очень забавным.

Они потратили не одну неделю, убеждая Фрэнка, что необходимо отпраздновать его сорок восьмой день рождения и что поездка куда-нибудь на выходные будет лучшим способом это сделать. После финансового краха¹ не было ничего, кроме плохих новостей. Восстановление казалось невозможным, полный коллапс общества был неизбежен, и никто, даже правительство, казалось, не знало, что делать: кроме того, что вина лежит на них, на людях. Ева не понимала, как ей удалось справиться с этим хаосом, учитывая, что большую часть последних семи лет — с момента рождения близнецов — она провела, загружая и разгружая стиральную машину.

Когда Фрэнк сдался с условием, что они не возьмут с собой детей — против этого никто не возражал, — поиски няни для трех комплектов детей на выходные чуть не уничтожили их. Потом начались поиски места, достаточно далекого от Дублина, чтобы почувствовать, что они и правда *уехали*, но достаточно близкого, чтобы не потратить драгоценное время на длинную дорогу. Выбор пал на Харвуд-хаус, георгианское загородное поместье в графстве Лиишь. Дом был слегка запущен: согласно отзывам, в нем гуляли сквозняки и шумела сантехника, — что обеспечило его доступность.

¹ Финансовый кризис в Ирландии, последовавший за мировым кризисом 2008 года, который привел к резкому росту безработицы и ипотечному кризису. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

ТРИ ПАРЫ

В ту сентябрьскую субботу они приехали сразу после трех: три пары на двух машинах. Харвуд-хаус был великолепен: трехэтажный, возвышающийся над густой бархатной лужайкой, желтовато-зеленой в золотистом дневном свете, с гранитными ступенями, спускающимися от обшитой панелями входной двери, словно шлейф вечернего платья. Ева вылезла из своего крохотного «Фиата», вытянула ноги, расправила плечи и глубоко вдохнула. Ее удивил запах гнилых апельсинов.

— Чем это пахнет?

Ее муж стоял у багажника машины, выгружая вещи. Зазвенели бутылки. Шэй остановился, пригнувшись и пожал плечами:

— Деревней?

Ева потеряла Конора и Беатрис из виду на автостраде вскоре после того, как они выехали, но сейчас их серебристый «БМВ» был припаркован на обочине гравийной дороги: передние сиденья были пусты, двери нараспашку. Они стояли возле дома, указывая друг другу на какие-то его элементы, как будто обдумывали его покупку. В толстых шерстяных свитерах и зеленых резиновых сапогах «Хантер» они выглядели так, словно уже его купили.

Обе задние двери «БМВ» распахнулись. Фрэнк и Лиззи медленно вылезли каждый из своей, их одежда была замята и топорщилась, а глаза они прикрывали от неяркого света. Они остановились бок о бок и заморгали.

— Господи, ого... — сказала Лиззи.

— И тут будем только мы, да? — спросил Фрэнк.

— Больше никого, — подтвердила Ева. — С днем рождения.

— Юх-ху-у... — сказал Фрэнк.

Покрытая слоями черной краски входная дверь открылась, подрагивая и грохоча. Хозяйке дома Давине Фицсаймонс было около семидесяти, но она носила длинные седые волосы распущенными. Она вытянула одну руку в знак приветствия, в другой торчала зажженная сигарета. Рядом с ней стоял черный лабрадор и осматривал их. Они все встали немного ровнее.

— Добро пожаловать! *Mi casa es su casa!*¹ — сказала Давина.

Так оно и оказалось: сначала напитки перед ужином в обшитой панелями библиотеке, где все вели себя наилучшим образом, потом сам ужин: бефстроганов и шоколадный мусс — их подавала сама Давина, которая все время курила и рассказывала им очаровательные эпизоды времен былой славы этого дома. Она родилась в Харвуде, в Харвуде и умрет. Последняя фраза сопровождалась подмигиванием и отрывистым кашлем.

При свете свечей потрескавшаяся штукатурка и рваные шторы утонули в тенях, и былое величие дома выступило на поверхность. В свою очередь, мужские голоса замедлились и стали ниже, а женский смех обрел мелодичность. К тому времени,

¹ «Мой дом — ваш дом!» (*Исп.*)

ТРИ ПАРЫ

когда все шестеро отправились в деревенский паб на поиски местного колорита и пинты пива после ужина, они уже всю нежничали друг с другом.

Экстази купил Фрэнк: полдюжины таблеток у парня, что болтался возле автомата по продаже сигарет. Фрэнк пил без перерыва с тех пор, как они приехали, и от этого становился еще больше самим собой, чем когда-либо, — неистовым, общительным и *громким*. Ева напрягалась всякий раз, когда он подходил слишком близко: с одинаковой вероятностью он мог начать и тыкать ее, и обниматься. Их усадили в уютном уголке с красными велюровыми диванчиками и стенкой из янтарного бутылочного стекла, закрывавшей стол от остальных посетителей.

— Ты ненормальный? — спросил Конор.

Все обернулись посмотреть на паренька. Молодой, в футболке «Манчестер Сити».

— У меня есть вопросы к его выбору футбольной команды, но он вроде нормальный, — сказал Фрэнк. Он запил таблетку пивом, а затем вытянул ладонь с оставшимися, предлагая их другим. — У меня же день рождения. — Это было одновременно и констатацией факта, и мольбой.

— Конечно, а на случай бэд трипа у нас есть дежурный врач, — сказал Шэй, взяв одну.

— Даже не думайте, — Конор сделал большой глоток пива. — И не надейтесь на меня.

Несмотря на то что они с Шэем достигли совершеннолетия в девяностых, на пять лет позже

всех остальных, Ева не могла вспомнить, когда они в последний раз что-нибудь принимали, — и даже тогда ни за что не купили бы наркотики у незнакомца.

— Давай, Ева. Я знаю, ты этого хочешь, — Фрэнк иногда смотрел на нее так, что ей хотелось извиниться перед Лиззи.

— Я приму, если ты примешь, — сказала Лиззи.

Шэй зашептал Еве на ухо:

— Без тебя будет не так весело.

Ева не хотела, чтобы вечеринка распалась так рано. Все или ничего — и варианта «ничего» уже не осталось. Она взяла таблетку, разломилла ее ногтем пополам и передала половинку Лиззи.

— Умница, — сказала Лиззи.

Ева запила свою половинку глотком мерло и почувствовала, как сводит желудок. Лиззи выдохнула.

— Хочу, чтобы вы все знали, что я вас люблю, на случай, если что-нибудь пойдет... через жопу. — Кажется, у нее заблестели глаза. Лиззи была актрисой и умела плакать по требованию. С ней надо было оставаться начеку. Фрэнк наклонил голову, рассматривая ее с таким холодным скептицизмом, что все рассмеялись. Ева заметила, как Беатрис и Конор обменялись одними из тех косых взглядов, движений бровей и наклонов головы, которыми умеют обмениваться только пары. Беатрис постучала по ладони Фрэнка, и он передал ей таблетку. Диван вздохнул, когда Конор откинулся на него.

ТРИ ПАРЫ

— Было так весело, — сказала Беатрис. — До детей. Тогда мы ничего не боялись.

— Это потому, что нам тогда нечего было терять, — сказал Конор. Он издал высокий, слишком нарочитый смешок.

— А нам до сих пор нечего, — сказал Шэй со смехом.

Фрэнк повернулся к Конору и предложил ему таблетку:

— Ты же не хочешь отрываться от компании.

— Да ну? — Конор бросил таблетку в карман рубашки. — Коронеру она понадобится как улика.

— Конор! — взвизгнула Лиззи и мягко шлепнула его. Они флиртовали как подростки, притворяющиеся, что ненавидят друг друга.

Фрэнк опустошил свой бокал.

— Туше.

Когда они вышли из паба, дул ветер, дорога к дому светилась в лунном свете. Беатрис шла впереди, ее волосы засеребрились, а широкий подол синего платья развевался во все стороны. Лиззи повисла на руке Шэя, утверждая, что ей страшно. А еще она была пьяна, а ее длинное бархатное платье и босоножки на платформе представляли собой опасную для ходьбы комбинацию. Ева, Конор и Фрэнк замыкали шествие, двигаясь гуськом и погружившись в себя.

Ева услышала шорох и обернулась, заметив, как Фрэнк исчезает на тропинке, ведущей в лес у поместья. Приложив палец к губам, Конор схватил ее за

руку и потянул вслед за ним. Они нашли Фрэнка в куче листвы, его выдали сияющие глаза. Он затащил Еву и Конора в свое укрытие.

Где-то на дороге запела Беатрис.

Ноздри Евы наполнились острым запахом перегной от влажной земли и солодовым жаром от мужчин спереди и сзади. Ее щека касалась колючего подбородка Фрэнка. Рука Конора, горячая и влажная, крепко сжимала ее ладонь. Ей было снова двадцать, она танцевала в толпе тел, касалась их, а они касались ее. Это было почти невыносимо, и она почувствовала облегчение, когда их обнаружили остальные.

Со своего чердака Ева смотрела, как восходящее солнце ползет по лужайке, и чувствовала ужас. Целый день без сна продержаться не удастся, но лечь и не двигаться она не могла. Дом под ней затрясся, когда захлопнулась тяжелая входная дверь. Через лужайку трусцой пробежала Беатрис, вернулась к Фрэнку, ненадолго остановившись, вероятно, чтобы проверить, дышит ли он, потом побежала дальше, ее гладкий светлый хвост подпрыгивал при каждом шаге. Невероятная выносливость.

Беатрис была почти ровесницей Фрэнка, но выглядела на двадцать лет моложе. Ева видела, как люди врезались в столбы, сворачивая шею, чтобы еще разок взглянуть на нее. Никто никогда не оспаривал ее красоту: никто никогда и мысли не допускал, что ее глаза расположены слишком близко или что ее бедра немного широковаты. Одна-

ТРИ ПАРЫ

жды за столом Беатрис заявила, что это трудно: выглядеть так, как она выглядит, — внимание не всегда бывает желанным и добрым. Ева покраснела от смущения. Она часто ловила себя на том, что пялится на Беатрис, вместо того чтобы слушать ее. Когда ее познакомили с Конором и Беатрис на вечеринке у Лиззи и Фрэнка, Ева не могла поверить, что эти двое — пара. Конор был ничем не примечателен: среднего роста, светло-зеленые глаза, каштановые волосы — ни урод, ни красавец. Сначала она решила, что Беатрис вышла за него ради его медицинского диплома. Она не осуждала: иногда и ей хотелось бы вступить в брак с такой же практичной предусмотрительностью.

Спустя семь лет знакомства Ева считала, что знает Конора достаточно хорошо, но вчера вечером наедине с ним она обнаружила, что он похож на игру «Угадай, что внутри», где форма упаковки не дает ни малейшего намека на спрятанный в ней подарок. Она пыталась вспомнить, о чем они говорили, но из клубка мыслей всплывали только самые случайные воспоминания: оба любили лазанью с картошкой фри, но стеснялись есть это сочетание на публике; срезали этикетки со всей своей одежды, потому что те невыносимо раздражали кожу. Конор пошел в медицину, потому что в ней можно сделать многое из того, что меняет к лучшему жизнь отдельного человека, — по той же причине Ева стала учительницей начальных классов. А еще у него была привычка втягивать в себя воздух и широко раскрывать глаза, когда она высказывала